

Искусственный интеллект: утопия и бессубъектность

Екатерина Алексеева – к. филос. н., доцент, кафедра эпистемологии и логики, философский факультет, Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН); Москва, Россия; e-mail: alekseeva.eal@yandex.ru

Ключевые слова: искусственный интеллект, утопия, субъект, актор, бессубъектность, эпистемические практики, политика

В статье отстаивается тезис, согласно которому искусственный интеллект в силу некоторых его свойств становится частью современного утопического мышления. Под утопией понимается не определенный литературно-философский жанр, а некоторые аккумулярованные коллективные желания, которые способны направлять деятельность сообществ. Утопия, с одной стороны, направлена на формирование представлений о том, чего еще не существует, с другой – на установление некоторого должного порядка вещей, который с необходимостью выходит за пределы воли отдельных субъектов. В силу этого предполагается, что одним из ключевых свойств утопического порядка вещей становится бессубъектность, которая представляет собой отсутствие свойств субъектности (осознанности и рефлексивности, некоторого самоощущения, переживания, способности к целенаправленному волевому действию и т.п.). В статье рассматриваются различные проекты искусственного интеллекта, в том числе AGI, которые классифицируются по степени их антропоморфности. Показывается, что наиболее вероятные сценарии развития ИИ связаны с разработкой искусственных систем, не обладающих субъектностью, но при этом являющихся значимыми акторами. Современное утопическое мышление предполагает, что развитие искусственного интеллекта способно привести к реализации утопических проектов. Показывается, каким образом искусственный интеллект становится частью эпистемических и политических утопий.

Статья подготовлена в рамках государственного задания ГАУГН «Цифровизация и формирование современного информационного общества: когнитивные, экономические, политические и правовые аспекты». Регистрационный номер НИОКТР 123022000042-0. Код темы FZNF-2023-0004. Регистрационный номер темы 1022040800826-5-5.2.1;6.3.1;5.9.1.

Утопия и бессубъектность

В своей работе «Концепция утопии» Рут Левитас рассматривает утопию как одну из важных составляющих человеческой культуры в противовес представлению об утопии как о некотором эскейпистском феномене, побеге от реальности или же определенном литературно-философском жанре. В утопии аккумулируются коллективные желания, не до конца осознаваемые отдельными индивидами, но зачастую направляющие действия сообществ¹. Это перекликается с принципом социального воображаемого К. Касториадиса, где воображаемое пронизывает и скрепляет ткань социальной реальности. Касториадис практически не использует понятия утопии, но, согласно его подходу, само общество создается через перформативное установление еще не существующего: «Социальное воображаемое или общество, создающее институты, существует в полагании-творении воображаемых социальных значений, институтов и через него; в полагании этих институтов как “введении в присутствие” этих значений, а этих значений – как институционализируемых»². Эта перформативность воображаемого позволяет утопии, становящейся частью социального воображения, не только выполнять социально-критическую функцию, но также включаться в социально-политические проекты, направленные на установление того порядка вещей, которого еще не было. На это указывал и Карл Маннгейм в «Идеологии и утопии», и Фредрик Джеймисон, предостерегавший, однако, воспринимать утопию как образ идеального мира и видевший в ней, скорее, направляющую силу политического действия³.

Но утопия – это не только импульс действия для установления желаемого, но и в некоторой степени ретроутопия, даже если она обращена исключительно к будущему. Ретроутопия не только в бауманском⁴ смысле как коллективная ностальгия по прошлому (домодерному, традиционному, патриархальному), но и обращение к некоторому порядку вещей «как он должен быть изначально». Будущее должно

¹ Levitas R. The Concept of Utopia. Oxford: Peter Lang, 2010. P. 264.

² Касториадис К. Воображаемое установление общества. М.: Гнозис, Логос, 2003. С. 196.

³ Jameson F. Archaeologies of the Future. The Desire Called Utopia and Other Science Fictions. London, NY: Verso, 2005. P. 431.

⁴ Бауман З. Ретроутопия. М.: ВЦИОМ, 2019.

исправить настоящее, чтобы вернуться не к историческому, но к онтологическому «прошлому», совпадающему с некоторым вневременным состоянием. Утопия становится частью политических проектов, поскольку указывает на то, «как должно быть» в противовес тому, что возможно в настоящий момент. Утопические проекты всегда претендуют на определенный универсализм, поскольку даже в том случае, когда они инициированы некоторой социальной группой, исходят из принципов «общего блага». Благодаря этому сила, устанавливающая утопический порядок, должна выходить за пределы любой социально-политической или индивидуальной субъектности⁵, связанной с локальными интересами. Относительно современного состояния утопии предполагается, что «в имеющихся обстоятельствах субъект утопии в качестве того, кто деятельно претворяет образ желаемой социальности в действительность, оказывается опасен и не нужен; субъект утопии в качестве носителя конкретных идей о счастливом будущем – невозможен; субъект утопии как генератор этих идей и создатель картин гармоничного человеческого сосуществования – потерян, неясен, непредставим. Коротко говоря, на данный момент субъект утопии является отсутствующим, а утопия предстает по существу бессубъектной»⁶. Однако в данном случае речь идет о том, что утопия в принципе не может репрезентировать позицию локально-исторического субъекта со всеми пределами его идентичности, она претендует на то, что говорит от имени некоторого правильного «порядка вещей», не обладающего субъектностью. Другой вопрос,

---

⁵ Субъектность в данном случае предполагается отделять от агентности или акторности, которые здесь рассматриваются как близкие по значению понятия в духе скорее акторно-сетевой теории, а не концепции, например, А. Сена. В этом случае способность действовать не обязательно должна предполагать субъектность, которая связывается с возможностью осознанного целеполагания своих действий и осознания себя как источника действия, способного принимать решения согласно собственной воле. Здесь подчеркивается именно локализованность субъектной позиции, которая не позволяет действовать от имени всех возможных акторов. В онтологическом смысле субъектность – это специфическое свойство некоторых акторов или агентов, наличие которого, однако, не всегда однозначно распознается, что и приводит к некоторому смешению категорий субъектности, агентности и акторности. Так, например, спорным считается вопрос о возможности признания субъектности некоторых видов животных.

⁶ Фоменко А. П. Утопия в поисках субъекта, субъект в поисках утопии // Вестник Томского государственного университета, 2022, № 478. С. 61.

должна ли утопическая бессубъектность непременно обращаться к некоторым трансцендентным структурам или она может самопроявляться в пространстве имманентного:

В концепции государя Макиавелли сохраняется утопическая идея, отдаляющая его проект от субъекта, идея, которая, несмотря на радикальную имманентность метода, переводит политическую функцию в более высокую плоскость. В условиях же постсовременности освобождение, напротив, должно быть достигнуто внутри этого мира, в плоскости имманентного, без малейшей возможности обращения к чему-либо внешнему, даже если это внешнее – утопия⁷.

Можно сказать, что бессубъектность становится одним из условий возможности утопического. При этом сам характер утопии будет существенно зависеть от того, носит ли эта бессубъектность трансцендентный или имманентный характер, то есть апеллирует ли к некоторой внечеловеческой инстанции или осуществляется в поле различий, где сложившиеся императивы не могут исходить ни от кого конкретно, но разделяются всеми. Тогда каждый отдельный субъект способен признать некий порядок вещей «справедливым», «достойным» или «надлежащим» именно в силу его выхода за пределы субъектности и частных интересов. Тем не менее бессубъектность утопии допускает, что от ее имени действуют некоторые акторы, призванные установить утопический порядок. И этим акторам, как мы увидим, нет необходимости быть людьми и обладать субъектностью.

Так, в «Манифесте акселерационистской политики», который является примером утопической интенции, постулируется буквально следующее: «При любом варианте посткапитализма потребуются и посткапиталистическое планирование. Вера в то, что после революции люди самопроизвольно смогут создать новую социэкономическую систему, а не просто вернуться к тому же капитализму, в лучшем случае говорит о наивности, в худшем – о невежестве»⁸. Необходимость планирования, выходящего за пределы возможности любой субъектности, здесь и является обращением к некоторой бессубъектной инстанции, которая способна стать силой, структурирующей эпистемический и политический порядок. В настоящее время такой инстанцией среди

---

⁷ Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. С. 73.

⁸ Уильямс А., Шрничек Н. Манифест акселерационистской политики // Логос, 2018, № 2 (123). С. 14.

прочих выступает одна из центральных мифологем нашей культуры – искусственный интеллект, очевидно являющийся актором, субъектностью не наделенным.

Бессубъектность ИИ

Когда искусственный интеллект появился как новое исследовательское направление, теоретики и разработчики не делали принципиальных различий между демонстрируемым поведением и внутренними состояниями субъекта. На этой нечувствительности к различиям между переживаемым и демонстрируемым основан так называемый «тест Тьюринга», ставший не только методологическим компонентом академических подходов к ИИ, но и частью поп-культуры. В самой работе Тьюринга «Могут ли машины мыслить?» никакого теста нет, там предложена ироническая «игра в имитацию», согласно правилам которой способность релевантно отвечать на вопросы трактуется в ключе лингвистического бихевиоризма как достаточное условие для наделения актора признаками интеллекта. С этой точки зрения, современные GPT-системы тест Тьюринга проходят, хотя по существу являются лишь «стохастическим попугаем»: «системой случайного соединения последовательностей лингвистических форм, которые присутствовали в обширных обучающих данных в соответствии с вероятностной информацией о том, как они комбинируются, но без какой-либо отсылки к их значению»⁹. При этом успешность генеративных технологий заставляет некоторых разработчиков, таких как С. Альтман, утверждать, что на их основе будет разработан общий искусственный интеллект (Artificial General Intelligence (AGI)) – гипотетически возможная компьютерная система, обладающая интеллектуальными навыками человека и способная решать интеллектуальные задачи автономно и вне пределов специфической предметной области.

Организаторы Дартмутского семинара 1956 года, благодаря которому появилось само понятие искусственного интеллекта, обозначали суть своего исследовательского подхода следующим образом: «Исследование должно быть основано на предположении, что каждый

---

⁹ Bender E. M., Gebru T., McMillan-Major A., Shmitchell S. On the Dangers of Stochastic Parrots: Can Language Models Be Too Big? // Proceedings of the 2021 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency. NY.: Association for Computing Machinery, 2021. PP. 610–623.

аспект обучения или любая другая характеристика интеллекта принципиально могут быть описаны настолько точно, что их можно было бы симитировать на машине. Мы попытаемся понять, как заставить машины использовать язык, формировать абстракции и понятия, решать различные виды проблем, в настоящее время решаемые только людьми, а также улучшать себя»¹⁰. Надо сказать, что исходный оптимизм касательно комплексного переноса интеллектуальных процессов в искусственную среду изначально был таков, что ряд задач участники Дартмутского семинара собирались решить за пару месяцев. Была обозначена взаимосвязь между разумностью ИИ и деятельным движением к определенной цели: «Вероятно, по-настоящему разумная машина будет осуществлять деятельность, которую лучше всего можно назвать самосовершенствованием»¹¹. Фактически это связывает между собой интеллект искусственной системы и ее предполагаемую субъектность. Проект искусственного интеллекта обретает выраженную антропоморфность.

Предположив, что интеллектуальные действия возможны только как антропоморфные, а быть интеллектуальным в полном смысле слова означает также обладать субъектностью, получим три возможных альтернативных варианта искусственного интеллекта. В первом случае у нас должен появиться классический общий искусственный интеллект (AGI), то есть ИИ, обладающий полнотой человеческих интеллектуальных способностей и свойств, а также по всей видимости наделенный субъектностью: «Если люди и другие животные обладают сознанием от первого лица, тогда нейробиология или другие научные дисциплины должны в конечном итоге выяснить, как оно возникает. Если так, то со временем мы сможем создавать искусственные системы, генерирующие опыт от первого лица»¹². Второй гипотетически возможный вариант предполагает, что AGI будет полностью производным от развивающейся искусственной среды и, обладая агентностью и автономностью, не станет при этом демонстрировать признаков человеческого интеллекта и субъектности, либо

---

¹⁰ McCarthy M., Minsky M., Rochester N., Shannon C. A Proposal for the Dartmouth Summer Research Project on Artificial Intelligence // AI Magazine, 2006, Vol. 27. PP. 12–14.

¹¹ Ibid.

¹² Božić P. Consciousness for AGI // Procedia Computer Science, 2020, Vol. 169. PP. 365–372. P. 369.

его субъектность будет принципиально нечеловеческой. В третьем случае возникает тот вариант «искусственного интеллекта», который уже стал частью повседневности: это существующие в настоящее время системы, способные выполнять определенные интеллектуальные действия, которым невозможно при этом приписать какую-либо субъектность.

Что касается первого варианта, то есть антропоморфного AGI, то в компьютерной игре «Detroit: become human», которую можно рассматривать в качестве иммерсивного мысленного эксперимента на тему субъектности искусственного интеллекта, есть показательный эпизод. Один из сервисных андроидов, настолько автономных, что их можно считать соответствующим критериям AGI, осознает себя в качестве персонифицированного актора, обладающего определенной эмоциональной привязанностью к людям и ожидающего подобного отношения в ответ. В тот момент, когда этот андроид узнает, что его собираются заменить другой моделью, он впадает в агрессивное отчаяние, произнося буквально следующие слова: «Я думал, я для них родной. Что я им важен... А был игрушкой, которую можно выбросить, как надоест!» Здесь происходит трансгрессия искусственного, переходящего определенные ему онтологические, экзистенциальные, моральные границы, что выражается в стремлении к признанию своей субъектности. Однако такое признание невозможно, поскольку это противоречит исходным целям тех, кто создал разумные машины, владеет ими и определяет их границы. Такой искусственный интеллект, если бы он был создан, можно было бы назвать трансгрессивным ИИ, переходящим границу между естественным и искусственным со стороны искусственного и притязующим при этом на более высокий онтологический статус, ведь здесь само наличие субъектности становится признаком, утверждающим иерархию естественного и искусственного.

Для чего нужен такой антропоморфный ИИ? Почему нельзя обойтись без «внутреннего» антропоморфизма как точного воспроизведения когнитивных процессов, на котором настаивал, например, Д. Ленат, или «внешнего» антропоморфизма, предполагающего, что ИИ должен обладать робототехническим человекоподобным телом, о котором говорил Р. Брукс? Прежде всего, это антропоцентрическое представление о том, что единственно возможный вариант интеллекта – человеческий интеллект, который в полноте своих свойств неотделим от субъектности, персональных качеств, качественного опыта и т.п. Но при этом возникает необходимость лишить искусственную систему

свободы воли (даже если мы считаем ее иллюзорной), потому что в противном случае такая система будет служить не человеческим, а собственным целям. Субъектность должна быть создана искусственно, потому что это, по сути, техническая необходимость, но затем она будет подвергнута объективации, которая сможет пресечь онтологические притязания искусственного. Такое лишение субъектности для реализации чужих целей поставило бы антропоморфные ИИ-системы, будь они созданы, в то же положение, в котором находятся рабы или проституированные женщины. В обратную сторону это тоже работает: именно такой сценарий предполагает вытеснение людей и их десубъективацию. Как выразился Нейл Селвин, рассуждая о вопросе замены педагогов роботами: «Учителя, работающие как роботы, являются гораздо более вероятным сценарием, чем их прямая замена роботами»¹³. Что интересно, один из основателей ИИ Г. Саймон вместе с А. Ньюэллом просил своих детей и жену выполнять программные инструкции до того, как они будут реализованы в машине. При таком сценарии, выдержанном в логике капиталистического отчуждения, происходит объективация, но не достигается искомая утопическая бессубъектность.

Второй возможный вариант – это гипотетически возможный неантропоморфный AGI как продукт развития и трансформации цифровой среды. Реза Негарестани, критикуя антропоморфные проекты AGI, обозначает путь к AGI как таковому: «Принимать во внимание возможность новых форм опыта, посредством которых может быть расширен диапазон умопостигаемой реальности – такова задача, определяющая и человека, и AGI. Привязанность к существующей структуре и наличным фактам человеческого опыта в качестве реперной точки, определяющей что есть человек и что есть AGI, свидетельствует лишь о том, насколько скверно мы как люди преуспели в переопределении себя как людей. Консервативные идеи и тесты для AGI есть ничто иное как конформистский аналог узко-местечковых концептов человека. AGI и человек становятся почти неразличимы в свете задачи преодоления таких структур предзаданности и замкнутости»¹⁴.

Неантропоморфный AGI не может быть связан с оцифровкой и переносом человеческого опыта в искусственную среду, он должен

---

¹³ Selwyn N. Should Robots Replace Teachers?: AI and the Future of Education (Digital Futures). Cambridge: Polity, 2019. P. 122.

¹⁴ Negarestani R. Intelligence and Spirit. NY: MIT Press, 2019. P. 48.

возникнуть в качестве некоторой изначально нечеловеческой сущности, для которой могут в принципе оказаться неприменимы категории «опыта», «субъектности», а о его интеллектуальности возможно будет судить только по результатам определенных действий, которые мы сумеем интерпретировать в качестве интеллектуальных. И нет никакой необходимости, чтобы в числе таких действий находилось продуцирование осмысленных текстов, поскольку подобная сущность будет находиться вне поля человеческой коммуникации. Такая сущность может обнаружить себя как нечто, напоминающее результат трансцендентально-феноменологической редукции, данный до самой редукции, поскольку редукция имеет смысл только для существа, изначально наделенного телесностью, психологическим опытом и естественной установкой. У Гуссерля трансцендентальность описывается так: «...Трансцендентальность в любой своей форме есть имманентная, конституирующая внутри сознания бытийная характеристика. Любой возможный смысл, любое мыслимое бытие, называть ли его имманентным или трансцендентным, попадает в сферу трансцендентальной субъективности как субъективности, в которой конституируется смысл и бытие»¹⁵. Искусственное, не нуждающееся в биологической телесности и эмпирическом сознании, но структурированное компьютерной средой, потенциально способно аккумулировать в себе такие формы освоения реальности, которые принципиально не могут быть принадлежностью человеческого опыта. Подобный AGI можно обозначить как трансцендентальный или технотрансцендентальный ИИ. Гипотетически, данный AGI может быть сопряжен с нашим собственным опытом, поскольку предполагается, что мы способны распознать его интеллектуальные свойства, но вместо трансцендентального субъекта вполне возможно столкнуться с трансцендентальной бессубъектностью.

Поскольку в первых двух случаях все время возникает проблема того, что ни один конкретный технологический проект не позволяет учесть все возможные модусы человеческой или нечеловеческой интеллектуальной структуры, которая с необходимой полнотой должна быть реализована в технической среде, можно сказать, что в настоящее время искусственного интеллекта не существует. Эмпирической данностью для нас является не искусственный интеллект, а интеллектуальные системы, и различие между ними принципиально. Различные

---

¹⁵ Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: Наука, 1998. С. 174–175.

интеллектуальные системы способны к достаточно успешному выполнению отдельных интеллектуальных функций, причем выполняются эти функции способами, принципиально отличными от человеческих, хотя и достигают тех же целей. Даже в том случае, когда постулируется, что интеллектуальные системы являются нейроморфными, нужно понимать, что принцип их действия основан на использовании особого математического аппарата, а не на буквальной реализации в компьютерной системе биологических механизмов продуцирования ментальных состояний на основе нейронных сетей.

Такие интеллектуальные системы являются реализацией функционалистского подхода. Исходной основой функционализма ИИ является психофизиологическая теория машинного функционализма Хилари Патнэма 60-х гг. прошлого века. Согласно машинному функционализму Патнэма, естественное состояние может быть спродуцировано искусственно, эти состояния будут функционально равнозначны, хотя физикально различны. Это соответствует некоторым положениям функционалистского подхода, с точки зрения которого функция может быть инвариантна по отношению к способу реализации, что предполагает множественную реализацию¹⁶. Получается, что не только желаемая цель (такая, как получение некоторого объема данных, разбитых по категориям), но и процесс (такой, как обучение) могут быть функционально реализованы некоторым способом, отличным от человеческого. И именно подобное нечеловеческое в настоящее время мы способны включить в структуру политического действия и в эпистемические практики.

Эпистемическая утопия и бессубъектность ИИ

Эпистемическая утопия – это манифестация «внешнего» через структуры субъекта таким способом, чтобы структуры субъекта, продуцируемое им знание и некоторая внесубъектная реальность стали изоморфны друг другу. Антикорреляционистскому стремлению к возвращению непосредственной реальности в наше эпистемическое поле субъект в общем-то мешает: «С одной стороны, мы допускаем, что ощущаемое существует только как отношение субъекта к миру; но, с другой стороны, математизируемые свойства объекта полагаются как избавленные от ограничения этой связью»¹⁷. Попперовская идея бессубъектной эпистемологии также построена вокруг элиминации

---

¹⁶ См.: Polger T., Shapiro L. A. The Multiple Realization Book. Oxford: Oxford University Press, 2016.

субъекта как препятствия на пути к самопроявлению знания: «Знание или мышление в объективном смысле, состоящее из проблем, теорий и рассуждений, аргументов как таковых. Знание в этом объективном смысле в целом не зависит от чьих-либо претензий на знание чего-то; оно также не зависит от чьей-либо веры или предрасположения соглашаться, утверждать или действовать. Знание в объективном смысле есть знание без того, кто знает: оно есть знание без субъекта знания»¹⁸.

Инкорпорирование в эпистемические практики функциональных интеллектуальных систем связано с тем, что для части когнитивных процессов оказалось возможным создать интеллектуальные системы, которые воспроизводят функционал этих процессов в искусственной среде. К их числу относятся прежде всего системы, способные к ориентированию в пространстве (соответствуют когнитивным способностям к пространственному ориентированию), распознаванию образов (когнитивные процессы визуального восприятия), классифицирующие объекты по категориям (соответствующие способности мышления к категоризации), прогнозирующие поведение (когнитивная способность к предсказанию поведения системы, основываясь на предшествующих данных), распознающие закономерности в массивах данных (соответствующие индуктивные процедуры мышления), генерирующие и распознающие текст и устную речь (аналоги человеческих способностей к продуцированию и пониманию речи), создающие изображения (соответствуют креативным художественным способностям людей) и т.п. Также для многих современных интеллектуальных систем используются принципы разработки, восходящие к коннекционистской парадигме ИИ как противоположности символического подхода, которые называются обучением, что вызывает аналогии с когнитивной способностью людей осваивать специфические знания и навыки в ходе обучения. При этом когнитивные способности реализованы с помощью специфических вычислительных моделей, которые либо отдаленно напоминают человеческие способы когнитивных действий, либо не напоминают их вообще. Например, способность к категоризации реализована в функциональных интеллектуальных системах с помощью латентного разме-

---

¹⁷ Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности. М.: Кабинетный ученый, 2015. С. 8.

¹⁸ См.: Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. М.: Эдиториал УРСС, 2002. С. 384.

щения Дирихле, что принципиально отличается от соответствующей человеческой способности.

Включение интеллектуальных систем в эпистемические процедуры эксплицитно проявляется в научных исследованиях, основанных на анализе больших данных с помощью машинного обучения и подобных технологий. Это трансформирует сами процессы исследования, примером такой трансформации является включение инструментов интеллектуального анализа больших данных в одну из основных процедур, осуществляемых мышлением, – поиск универсальных закономерностей в партикулярных явлениях. Анализ больших данных позволяет в автоматическом режиме «схватывать» те закономерности, которые выходят за пределы изначальных гипотетических предположений. Но в данном случае не требуется не только гипотез, нет необходимости и в теоретических фреймах, создающихся познающим субъектом:

Теперь появилась новая возможность. Петабайты данных позволяют нам сказать: «Корреляции достаточно»... Мы можем анализировать данные, не формулируя гипотезы о том, что в них содержится. Мы можем загрузить цифры в самые большие компьютерные кластеры, которые когда-либо существовали, и позволить статистическим алгоритмам обнаружить закономерности, которые не может выявить теория... Корреляция вытесняет каузальность, и наука может идти вперед даже без целостных моделей, общих теорий, вообще какого-либо механистического объяснения. Нет никаких оснований придерживаться старых подходов...¹⁹

Бессубъектные системы собирают огромные объемы данных, другие бессубъектные системы обнаруживают в них закономерности, за счет этого реальность самоэксплицируется через вычислительные структуры.

Политическая утопия и бессубъектность ИИ

В 2022 году в Дании был проведен своеобразный политический эксперимент: в электоральном поле появилась так называемая Synthetic Party – не слишком серьезный, но показательный проект, в котором

---

¹⁹ Anderson C. The End of Theory: The Data Deluge Makes the Scientific Method Obsolete // Wired, 2008, № 23. Цит. по: Китчин Р. Большие данные, новые эпистемологии и смена парадигм // Социология: 4М, 2017, № 44. С. 111–152.

политическая программа была разработана на основе анализа программ маргинальных политических партий с помощью интеллектуальной системы. Социальный бот Лидер Ларс репрезентировал эту политическую партию в публичном пространстве. Интересна и постулируемая основателями проекта политическая цель: «Мы представляем данные всех маргинальных партий, то есть это все партии, которые пытаются быть избранными в парламент, но не имеют места. Так что партия ориентирована на людей, у которых сформировалось собственное политическое видение, они хотели бы его реализовать, но обычно у них нет для этого ни денег, ни ресурсов». Таким образом, квазисубъектность ИИ, который в действительности субъектностью не обладает, становится здесь способом возвращения политической субъектности отдельным представителям маргинализированных социальных групп.

В электоральном процессе, однако, более известны феномены вытеснения субъектности реальных граждан квазисубъектностью социальных ботов. Например, чат-боты имитируют реальных людей, высказывают мнение по некоторым вопросам, например, аргументы в поддержку определенного кандидата на политических выборах. Такие боты формируют видимость политически активного сообщества вокруг определенных субъектов политического процесса и меняют политические настроения сообщества, оказывая таким образом влияние на электоральные результаты. В область политического действия внедряются акторы, лишь имитирующие характеристики полноправных участников политической деятельности, но реально ими не обладающие. Из-за этого происходит деструкция процедур демократии участия, предполагающей равнозначность и открытость участников поля социально-политической коммуникации. Примером подобного деструктивного воздействия «является астротурфинг, понимаемый как дезинформация об участниках сообщества, которые скрывают, что не являются людьми и за счет этого продвигают политические кампании, имитируя “голос народа” в поддержку определенного кандидата»²⁰. В общем-то и бессубъектность здесь довольно условна: за искусственными системами лежат реальные цели определенных политических акторов, субъектностью наделенных.

В то же время стохастичность процессов социально-политической коммуникации приводит к некоторой контингентности взаимодей-

---

²⁰ García-Orosa B. Disinformation, social media, bots, and astroturfing: the fourth wave of digital democracy // *Profesional De La información*, 2021, № 30 (6). P. 3.

ствия естественных и искусственных акторов. Такая контингентность открывает путь к реализации утопической идеи о справедливом политическом устройстве как социально-политическом порядке, основанном на бессубъектном распределении власти. Эта идея апеллирует не только и не столько к фукольдианскому концепту обезличенной власти, сколько к идее власти как «пустоты центра», высказанной Джорджо Агамбеном: «В центре аппарата управления – пустота. Пустой трон, *hetoimasia tou thronou*, который появляется на сводах и в абсидах палеохристианских и византийских базилик, представляет собой в этом смысле, пожалуй, самый красноречивый символ власти»²¹. Этот пустой центр служит уравнивающей силой для антагонистических сил политического поля, в котором никогда не достигается удовлетворяющего всех акторов положения вещей.

Эта невозможность достижения согласия между рациональными субъектами, отражающая кризис делиберативной модели демократии, постоянно возвращает нас к вопросу о том, чем окажется в итоге занята центральная пустота, из которой исходят управленческие импульсы. Одним из возможных вариантов достижения баланса между необходимостью наличия управленческих структур и не меньшей необходимостью пустого центра становится идея помещения в этот пустой центр бессубъектных акторов, которыми являются интеллектуальные системы²². Подобная утопическая по своей сути идея высказана, например, в работе Педро Домингоса «Верховный алгоритм»²³. Здесь решение большей части социально-политических проблем связывается с развитием машинного обучения, при этом постулируется, что искусственный интеллект не сможет выйти из-под контроля, однако субъект этого контроля не становится предметом глубокой рефлексии.

---

²¹ Агамбен Д. Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления. СПб: Издательство Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. С. 19.

²² Идея того, что искусственный интеллект способен занять позицию в «пустом центре» власти также высказана, например, в статье: Володенков С. В., Федорченко С. Н. Особенности феномена субъектности в условиях современных технологических трансформаций // Полис. Политические исследования, 2022, № 5. С. 40–55.

²³ См.: Домингос П. Верховный алгоритм. Как машинное обучение изменит наш мир. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016.

Библиография

Агамбен Д. Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления. СПб: Издательство Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018.

Бауман З. Ретротопия. М.: ВЦИОМ, 2019.

Володенков С. В., Федорченко С. Н. Особенности феномена субъектности в условиях современных технологических трансформаций // Полис. Политические исследования, 2022, № 5. С. 40–55.

Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: Наука, 1998.

Домингос П. Верховный алгоритм. Как машинное обучение изменит наш мир. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016.

Касториadis К. Воображаемое установление общества. М.: Гнозис, Логос, 2003.

Китчин Р. Большие данные, новые эпистемологии и смена парадигм // Социология: 4М, 2017, № 44. С. 111–152.

Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности. М.: Кабинетный ученый, 2015.

Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. М.: Эдиториал УРСС, 2002.

Уильямс А., Шрничек Н. Манифест акселерационистской политики // Логос, 2018, № 2 (123). С. 7–20.

Фоменко А.П. Утопия в поисках субъекта, субъект в поисках утопии // Вестник Томского государственного университета, 2022, № 478. С. 58–63.

Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004.

Anderson C. The End of Theory: The Data Deluge Makes the Scientific Method Obsolete // Wired, 2008, № 23.

Bender E. M., Gebre T., McMillan-Major A., Shmitchell S. On the Dangers of Stochastic Parrots: Can Language Models Be Too Big? // Proceedings of the 2021 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency. NY: Association for Computing Machinery, 2021, PP. 610–623.

Božur P. Consciousness for AGI // Procedia Computer Science, 2020, Vol. 169. PP. 365–372.

García-Orosa B. Disinformation, social media, bots, and astroturfing: the fourth wave of digital democracy // Profesional De La información, 2021, № 30 (6).

Jameson F. Archaeologies of the Future. The Desire Called Utopia and Other Science Fictions. London, NY: Verso, 2005.

Levitas R. The Concept of Utopia. Oxford: Peter Lang, 2010.

McCarthy M., Minsky M., Rochester N., Shannon C. A Proposal for the Dartmouth Summer Research Project on Artificial Intelligence // *AI Magazine*, 2006, Vol. 27. PP. 12–14.

Negarestani R. *Intelligence and Spirit*. NY: MIT Press, 2019.

Polger T., Shapiro L.A. *The Multiple Realization Book*. Oxford: Oxford University Press, 2016.

Selwyn N. *Should Robots Replace Teachers?: AI and the Future of Education (Digital Futures)*. Cambridge: Polity, 2019.

References

Agamben G. *Carstvo i slava. K teologicheskoj genealogii jekonomiki i upravlenija* [The Kingdom and the Glory: For a Theological Genealogy of Economy and Government]. SPb: Izdatel'stvo Instituta Gajdara; Fakul'tet svobodnyh iskusstv i nauk SPbGU, 2018.

Anderson C. The End of Theory: The Data Deluge Makes the Scientific Method Obsolete // *Wired*, 2008, № 23.

Bauman Z. *Retrotopija*. M.: VCIOM, 2019. (In Russian)

Bender E. M., Gebru T., McMillan-Major A., Shmitchell S. On the Dangers of Stochastic Parrots: Can Language Models Be Too Big? // *Proceedings of the 2021 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency*. NY: Association for Computing Machinery, 2021, PP. 610–623.

Božuć P. Consciousness for AGI // *Procedia Computer Science*, 2020, Vol. 169. PP. 365–372.

Castoriadis C. *Voobrazhaemoe ustanovlenie obshhestva* [The Imaginary Institution of Society]. M.: Gnozis, Logos, 2003. (In Russian)

Domingos P. *Verhovnyj algoritm. Kak mashinnoe obuchenie izmenit nash mir* [The Master Algorithm. How the Quest for the Ultimate Learning Machine Will Remake Our World]. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2016. (In Russian)

Fomenko A. P. *Utopija v poiskah subekta, subekt v poiskah utopii* [Utopiain search of the subject, the subject in search of utopia] // *Bulletin of Tomsk State University*, 2022, № 478. PP. 58–63. (In Russian)

García-Orosa B. Disinformation, social media, bots, and astroturfing: the fourth wave of digital democracy // *Profesional De La información*, 2021, № 30 (6).

Hardt M., Negri A. *Imperija* [Empire]. M.: Praxis, 2004. (In Russian)

Husserl E. *Kartezianskie razmyshlenija* [Cartesian Meditations]. SPb.: Nauka, 1998. (In Russian)

Jameson F. *Archaeologies of the Future. The Desire Called Utopia and Other Science Fictions*. London, NY: Verso, 2005.

Kitchin R. Bol'shie dannye, novye jepistemologii i smena paradigm [Big Data, New Epistemologies and Paradigm Shift] // *Sociology: 4M*, 2017, № 44. PP. 111–152. (In Russian)

Levitas R. *The Concept of Utopia*. Oxford: Peter Lang, 2010.

McCarthy M., Minsky M., Rochester N., Shannon C. A Proposal for the Dartmouth Summer Research Project on Artificial Intelligence // *AI Magazine*, 2006, Vol. 27. PP. 12–14.

Meillassoux Q. *Posle konechnosti: Jesse o neobhodimosti kontingentnosti* [After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency]. M.: Kabinetnyj uchenyj, 2015. (in Russian)

Negarestani R. *Intelligence and Spirit*. NY: MIT Press, 2019.

Polger T., Shapiro L.A. *The Multiple Realization Book*. Oxford: Oxford University Press, 2016.

Popper K. *Obektivnoe znanie. Jevoljucionnyj podhod* [Objective knowledge: an evolutionary approach]. M.: Jeditorial URSS, 2002. (In Russian)

Selwyn N. *Should Robots Replace Teachers?: AI and the Future of Education (Digital Futures)*. Cambridge: Polity, 2019.

Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N. *Osobennosti fenomena subektnosti v uslovijah sovremennyh tehnologicheskikh transformacij* [Peculiarities of the phenomenon of subjectivity in the conditions of modern technological transformations] // *Polis. Political Studies*, 2022, № 5. PP. 40–55. (In Russian)

Williams A., Srnicek N. *Manifest akseleracionistskoj politiki* [Manifesto for an Accelerationist Politics] // *Logos*, 2018, № 2 (123). PP. 7–20. (In Russian)

Artificial Intelligence: Utopia and Subjectlessness

Ekaterina Alexeeva – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of Epistemology and Logic, Faculty of Philosophy, State Academic University for the Humanities; Moscow, Russia; e-mail: alekseeva.eal@yandex.ru

Keywords: artificial intelligence, utopia, subject, actor, subjectlessness, epistemic practices, politics

The article proposes that some properties of artificial intelligence allow it to become a part of modern utopian thinking. Utopia is understood as accumulated collective desires that can guide the activity of communities in opposition to its classical literary and philosophical meaning. Utopia, on the one hand, is aimed at forming ideas about what does not exist yet. On the other hand, it is aimed at establishing some proper order of things, which is necessary beyond the will of individual subjects. Therefore, it is assumed that one of the key properties of the utopian order of things is subjectlessness – the absence of the properties of subjectivity (for example: consciousness and reflexivity, self-perception, experience, ability to purposeful action, etc.). The article considers various artificial intelligence projects, including AGI, which are divided by the degree of their anthropomorphism. It is shown that the most probable scenarios of AI development are related to the development of artificial systems that do not possess subjectivity, nevertheless being significant actors. This is considered as one of the reasons why contemporary utopian thinking assumes that the development of artificial intelligence can lead to the realization of utopian projects. Such projects are possible not only in the political sphere, but also in the field of epistemic practices. It is shown how artificial intelligence becomes a part of epistemic and political utopias.